

кой-нибудь другой грубой пищей, сама же к подобным блюдам не притрагивалась, придумывая всякие отговорки, сказывалась больной и тому подобное.

В конце концов добрый человек сообразил, что воздухом она питаться не может и телеса ее преобильные не вечным постом наращены, и решил разобраться в том, как же она исхитряется его обманывать. И вот встал он однажды утром и сказал, что идет работать и просит жену принести ему на виноградник еду, да выбрать при этом то, чего ей не жаль. А сам спрятался в чулане, из которого ему было видно, чем занимается на кухне жена.

В восьмом часу утра поднялась она из постели, прошла на кухню, развела огонь, поставила на него сковороду, распустила сало и, по своему ежеутреннему обыкновению, приготовила себе яичницу из двенадцати яиц. Потом взяла кувшинчик, пошла с ним в погреб, вооружилась там черпаком с ситечком и принялась черпать вино из большой бочки, которую муж держал открытой, – и черпала до тех пор, пока не налила кувшинчик до самого верху. А пока она эдак орудовала в погребе, муж проскочил на кухню, разбил над сковородой еще двенадцать яиц, так что их стало ровно двадцать четыре, и опять схоронился в чулане.

Женщина вернулась из погреба и приступила к трапезе. Съев половину яичницы, она сделала добрый глоток вина и опять приступила к еде. Съела еще пару яиц – а больше в нее уже не лезло. И, сильно удивившись этому, начала она разговаривать сама с собой: «Да уж не заболела ли я? Или, может, заболеваю? Обычно-то я подметаю все дочиста!»

Подобные сетования изобличали ее еще сильней, и виноградарь решил, что настало самое время поучить ее уму-разуму. Найдя в чулане передник жены, он надел его на себя, как рясу, взял здоровенную суковатую палку, вышел на кухню и, обратись к жене, молвил: «Вижу я, милая женушка, ясно вижу, как тяжело ты больна, раз уж не в силах ты даже управиться со своею всегдашней порцией. Видно, пришла тебе пора помирать. А чтобы не умереть без покаяния, послан я тебе небесами и намереваюсь выслушать твою исповедь». И с этими словами стал он ее дубасить палкой да отдубасил так, что она и впрямь чуть не лишилась жизни. Рухнула поколоченная обжора наземь и лежала не шевелясь. А добрый человек пошел на свой виноградник. И воротился в положенный час домой, и приготовил себе обед, и поел, потому что не собирался по милости жены оставаться голодным.

Жена затаила обиду на мужа и твердо вознамерилась посчитаться с ним за побои и оскорбления, только что ею перенесенные. Но решила не подавать виду и вела себя с ним как ни в чем не бывало.

Какое-то время спустя пришли к ней в гости несколько соседок, и все женщины пребывали в отличном настроении и предавались различным играм и забавам. И тут сообразила она, что пришла пора отомстить мужу, и воскликнула: «Давайте-ка сыграем в прятки!» (так это называется у них в Эльзасе). Муж согласился принять участие в игре, и она подговорила его спрятаться в мешке из-под муки. Благодушный супруг, не подозревая ничего дурного, залез в мешок, будучи уверен, что придумала она здорово и там его никто не станет искать. А жена тут же завязала мешок потуже, взяла хорошую палку и уработала мужа как следует, воздав ему тем самым за понесенное ею унижение по меньшей мере сполна.

Когда же она своей мстью натешилась и малость опамятовалась, пришло ей в голову, что муж, выбравшись из мешка, ее, конечно, убьет. Поэтому она не освободила его, а поспешила к мировому судье, рассказала ему всю историю от начала до конца, свалив, естественно, всю вину на мужа, и попросила ради всего святого спасти ее от неминуемого наказания. Мировой судья – так она попросила – должен был призвать к себе ее мужа и потребовать отказа от дальнейших издевательств.

Мировой судья, человек умный и хитрый, немало посмеялся тому, что выслушал, и послал своих помощников за виноградарем. Те застали его по-прежнему в мешке, развязали, освободили и привели к судье. Увидав здесь же свою жену, несчастный обрушился на нее с обвинениями, она же, в свой черед, изворачивалась как могла. Вдоволь наслушавшись их препирательств, судья велел им замолчать и приказал, во-первых, жене обуздать свой нор, а, во-вторых, мужу не мстить ей за нанесенные побои ни кулаками, ни плеткою, ни пинками. Виноградарю пришлось дать соответствующее обещание, после чего супруги рука об руку отправились восвояси.

И муж, почитая себя униженным и обманутым, начал размышлять, как бы ему покарать негодницу и вместе с тем не нарушить обещания, данного им судье. И вот однажды играл их сосед свадьбу, и в числе приглашенных оказались и виноградарь с женою. После обильной трапезы